

Прощайте, желаю вам хорошего лета и здоровья,
весь ваш
Григорович

¹ Вонлярлярский Василий Александрович (1814–1853) — писатель, автор значительного количества беллетристических произведений, печатавшихся преимущественно в последние годы его жизни. Повесть «Ночь на 28-е сентября» публиковалась в апрельском и майском номерах журнала (Отечественные записки. 1852. № 4–5).

² Не лишена интереса ссылка Григоровича на мнение иногороднего подписчика. Наряду с воображаемым и наиболее очевидным адресатом — провинциальным читателем, такая номинация прямо или опосредованно отсылает к одному из наиболее известных псевдонимов критика и беллетриста А. В. Дружинина. Нельзя исключать, что роман в английском духе обсуждался Дружининым и Григоровичем, во всяком случае, большинство произведений, опубликованных им в «Библиотеке для чтения», носят скетчевый и фельетонный характер, близкий к «Проселочным дорогам».

³ Печатание романа завершилось в июле 1852 года (Отечественные записки. 1852. № 7).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-166-180

© Н. П. Генералова

«ЭТО ЧЕРТОВСКИ ЗАПУТАННОЕ И НЕПРИЯТНОЕ ДЕЛО» (А. А. ФЕТ И СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА 1860–1861 ГОДОВ)

Истории прижизненных изданий собраний сочинений И. С. Тургенева, начиная с «Повестей и рассказов» 1856 года в трех частях и заканчивая Собранием сочинений в десяти томах, вышедшим в Москве в издательстве наследников братьев Салаевых в 1880 году, можно с уверенностью отнести к наименее изученным вопросам тургеневедения. Между тем эти истории раскрывают многие детали творческой биографии не только самого Тургенева, но и целого ряда лиц из его ближайшего окружения, давая при этом обильный материал для изучения книгопечатания и цензуры, не говоря о том, что они содержат немало сведений о творческой истории отдельных произведений и о работе Тургенева как редактора собственных сочинений.

Собрание сочинений Тургенева в четырех томах, о котором пойдет речь, вышло в Москве в 1860–1861 годах и было к тому времени наиболее полным. В его первый том были включены (в отличие от предыдущего, 1856 года) «Записки охотника», причем только здесь знаменитый цикл был дополнен двумя произведениями, впоследствии исключенными — «Поездкой в Полесье» и очерком «О соловьях».¹ Его

¹ Сочинения И. С. Тургенева, исправленные и дополненные / Изд. Н. А. Основского. М., 1860. Т. 1. Записки охотника (ценз. разр. 30 сентября 1860 года; цензор Н. П. Гиляров-Платонов). В трехтомное собрание 1856 года (право на его издание было доверено Тургеньевым П. В. Анненкову) «Записки охотника» не были включены, поскольку выходили отдельным изданием, право на которое было передано Тургеньевым Н. А. Некрасову. Таким образом писатель оказывал в том числе и материальную поддержку друзьям. В письме к Е. Я. Колбасину от 14 (26) декабря 1856 года он спрашивал по поводу трехтомных «Повестей и рассказов»: «А как идет моя книга? Анненков зашиб копейку — но не останется ли Базунице в накладе?» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 164. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: *Тургенев*, с указанием серии, тома и страницы). Известный книгопродавец и издатель А. Ф. Базунов заплатил Анненкову за «Повести и рассказы»: «А как идет моя книга? Анненков, по его словам, «нажил» 2500 рублей, вдобавок «дав нажить Колбасину (Д. Я. Колбасину. — *Н. Г.*) 250 р.» Кроме того, по договоренности с Тургеньевым Анненков выплатил некий «капитал» Ф. П. Волковой, с которой писатель был близок в 1851–1853 годах и которая, по словам Анненкова, «столько же молит Бога за вас, как и за меня» (см. письмо Анненкова к Тургеньеву от 7 (19) ноября 1856 года: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеньеву: В 2 кн. / Изд. подг.

принято называть изданием Основского, по имени издателя Нила Андреевича Основского.²

Достоверными сведениями о том, когда Тургенев познакомился с Основским, мы пока не располагаем, однако можно предположить, что это произошло в начале 1850-х годов. Во всяком случае, в письме к Н. А. Некрасову от 15 (27) октября 1854 года Тургенев упоминает об Основском как о хорошем знакомом и выполняет его просьбу.³ Не исключено, что дружеские отношения завязались на совместной охоте. Как бы то ни было, Основский был вхож в литературные круги, в частности литераторов, близких к журналу «Современник».

О том, что отношения Тургенева и Основского были вполне приятельскими, свидетельствует, например, тот факт, что в 1859 году писатель уступил Основскому право на отдельное издание «Дворянского гнезда» (издание книгопродавца А. И. Глазунова), от которого Основский, по собственному признанию, получил «барыши» в размере 800 рублей, что дало ему возможность существовать целых два года.⁴ В 1860 году Основский передал через Тургенева гонорар для Ф. М. Достоевского, чьи сочинения в двух томах были изданы им в Москве. Тургенев выполнил просьбу и по приезде из Москвы в Петербург вручил Достоевскому причитающийся ему гонорар (600 рублей серебром).⁵ Можно предположить, что именно на встрече с Основским в Москве Тургенев получил от него предложение выпустить собственное собрание сочинений в четырех томах.

Момент для такого издания был чрезвычайно удачным. К тому времени трехтомное собрание сочинений 1856 года уже разошлось. После выхода в свет «Дворянского гнезда» (Современник. 1859. № 1) и вслед за ним романа «Накануне» (Русский вестник. 1860. Кн. 1–2. Январь) имя Тургенева стало весьма популярным. Можно с уверенностью говорить о том, что к концу 1850-х годов писатель по праву занял место ключевой фигуры в общественно-литературном процессе. Журналы и газеты пытались заручиться его поддержкой и наперебой просили поместить на своих страницах какое-либо произведение. Е. М. Феоктистов, основавший в 1861 году с графиней Е. В. Салиас де Турнемир газету «Русская речь» (просуществовавшую всего год), просил Тургенева поддержать это начинание и откровенно писал ему: «Комплименты были бы между нами неуместны, но Вам самим известно, каким почетом теперь пользуется Ваше имя и что оно почти необходимо для успеха журнала. Вы пишете, конечно, мало, а желающих получить Ваши произведения — весьма много...».⁶

На волне общественного подъема в ожидании решающих перемен в жизни русского общества Тургенев испытывает небывалый прилив творческих сил. Он как никогда активен: не только много (вопреки мнению Феоктистова) пишет и печатается, но и читает публичные лекции, участвует в различных общественных мероприятиях, среди

Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. 1852–1874. С. 48 (сер. «Литературные памятники»). Базунов издал в 1856 году и «Записки охотника», заплатив за это Некрасову 2500 рублей, в то время как Тургенев уступил Некрасову это издание за 1000 рублей.

² Н. А. Основский (1816–1871) был довольно известным литератором и издателем, к тому же заядлым охотником. Он начал литературную карьеру с книги «Замечания московского охотника на ружейную охоту с легавою собакою» (1852, в соавторстве с К. Ф. Рулье; при переизданиях на обложке значился лишь Основский). Вскоре в периодике стали появляться его охотничьи рассказы, в которых современники не без основания увидели подражание «Запискам охотника» Тургенева и произведениям С. Т. Аксакова (см.: *Бокова В. М.* (при участии М. М. Одесской). Основский Нил Андреевич // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М., 1999. Т. 4. С. 455–456).

³ «...я получил от Основского письмо, в котором он мне говорит, что послал тебе еще статью, и просит, чтобы ты следующие ему, по твоему расчету, деньги выслал на имя Александра Михайловича Купфершмита...» (*Тургенев. Письма.* Т. 2. С. 301).

⁴ ИРЛИ. Ф. 7 (П. В. Анненков). Ед. хр. 149. Л. 13 об. (письмо к И. С. Тургеневу от 3 января ст. ст. 1861 года).

⁵ См. записку Тургенева к Ф. М. Достоевскому от 9 (21) февраля 1860 года (*Тургенев. Письма.* Т. 4. С. 150–151).

⁶ Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851–1861). Ч. II. 12 сент. 1852 — 24 дек. 1861 / Публ. Э. Г. Гайцовой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год.* СПб., 2006. С. 143.

которых в первую очередь следует назвать создание Литературного фонда, или Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, выступает инициатором учреждения Общества грамотности и первоначального образования, даже делает попытку создать свой «проект конституции», написанный в форме адреса Александру II.⁷ Несмотря на напряженный творческий процесс — а именно в этот период (с первой декады августа 1860-го по 30 июля ст. ст. 1861 года) Тургенев задумывает и пишет свое вершинное произведение, роман «Отцы и дети», — писатель активно публикуется в новых и старых периодических изданиях, поддерживает нарождающуюся украинскую литературу, сближаясь в Петербурге с малороссийским кружком, сгруппировавшимся вокруг журнала «Основа», переводит произведения Марко Вовчка (М. А. Маркович) и способствует устройству ее сочинений и даже личной судьбы. Наконец, поддерживает и расширяет связи с зарубежными литераторами, принимая участие в переводах собственных сочинений на иностранные языки.

Судя по тому, что в апреле 1859 года вышел в свет первый том второго (после 1852 года) отдельного издания «Записок охотника», трудно предположить, что Тургенев заранее планировал указанное четырехтомное собрание своих сочинений. Скорее всего, эта мысль пришла в голову Основскому, который очень надеялся упрочить тем самым свое материальное положение. Для Тургенева, застрявшего в Париже в связи с назревшей необходимостью выдать замуж свою внебрачную дочь Пелагею и оказавшегося в довольно сложной финансовой ситуации, идея издать Полное собрание своих сочинений была более чем приемлемой.⁸ На деле все вышло иначе. Более того, история с собранием сочинений Тургенева в четырех томах обернулась настоящим скандалом, лишь частично просочившимся на страницы периодических изданий. Вольно или невольно в него оказались втянуты близкие писателю люди — П. В. Анненков, И. П. Борисов, И. И. Маслов, И. В. Павлов, Н. Х. Кетчер, наконец, А. А. Фет, на долю которого выпала самая незавидная роль.

Еще в 1908 году один из первых биографов Тургенева Николай Михайлович Гутьяр (1866–1930) опубликовал в «Русской старине» статью, в которой попытался на основе доступных ему документов, в частности личной переписки, воссоздать непростую историю Полного собрания сочинений Тургенева 1860–1861 годов.⁹ Однако при всем желании он не мог ознакомиться со многими материалами, имеющими прямое отношение к делу. Выводы, к которым пришел Гутьяр, не вполне отражают истинное положение и требуют корректировки.¹⁰

Свою статью Гутьяр начинает с утверждения, что Тургенев продал Основскому право на издание своих сочинений в середине 1860 года. В действительности это произошло по крайней мере на полгода раньше. Уже в марте–апреле 1860 года новость разошлась в литературных кругах. Газета «Северная пчела» сообщала: «Мы слышали о выходе всех произведений Тургенева, в 4-х томах; тогда мы скажем о всей его деятельности, о его значительнейших вещах...».¹¹ А 2 (14) июня Тургенев настойчиво про-

⁷ См. об этом: Генералова Н. П. Когда и для кого был составлен проект тургеневской «конституции» (И. С. Тургенев, А. И. Герцен и Артур Бенни) // Русская литература. 2019. № 4. С. 29–52.

⁸ В письме к Анненкову от 19 ноября (1 декабря) 1860 года Тургенев признавался: «А деньги мне крайне нужны, при теперешних моих больших расходах — и при оказавшемся нежелании моих мужичков платить мне оброк, — тот самый оброк, за который они хотели быть благодарны *по гроб дней*» (Тургенев. Письма. Т. 4. С. 265).

⁹ Гутьяр Н. К биографии И. С. Тургенева // Русская старина. 1908. Т. 135. Кн. 8. С. 229–240. Эта работа почему-то не включена в библиографию к статье Боковой в словаре «Русские писатели» (см. выше, прим. 2).

¹⁰ Отметим, что общие выводы Гутьяра продолжают фигурировать в современных исследованиях, в том числе в комментариях к первому и второму академическому Собранию сочинений и писем Тургенева.

¹¹ Н. Н. [Блюммер Л. П.]. Письма о русской журналистике // Северная пчела. 1860. 21 апр. № 89. С. 353. На это сообщение обратил внимание В. А. Громов, он же обнаружил и другое сообщение — в мартовской книжке «Светоча» за тот же год. См.: Громов В. А. «Записки охотника» в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева // Восьмой межвузовский тургенев-

сил А. И. Герцена прислать ему журнальные публикации «Поездки в Полесье» и «Аси» и сообщал: «Мне эти повести крайне нужны — я продал полное издание своих сочинений и взялся все пересмотреть, а срок уже проходит».¹² Очевидно, что по договоренности с Основским писатель должен был представить ему исправные тексты уже к июню 1860 года. Частично это было сделано лишь к 19 (31) августа, когда Тургенев выслал поправки, о которых писал в не дошедшем до нас письме к Основскому. На него издатель отвечал 22 августа (3 сентября) 1860 года. Из этого письма следует, что к тому времени полностью укомплектованы были первый и четвертый тома, включавшие, как уже говорилось, «Записки охотника» и три романа («Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне»), причем для «Рудина» Тургеневым был написан новый эпилог, в котором герой погибал в Париже на баррикадах 1848 года.¹³

Несомненно, Тургенев опасался, что этот эпилог не будет пропущен цензурой. Может быть, потому он спешил с четвертым томом, в который входил обновленный роман. Но цензура в лице Н. П. Гилярова-Платонова оказалась на этот раз снисходительной, и уже 30 сентября 1860 года цензурное разрешение на тома 1, 3 и 4 было получено.

Нелишним будет подчеркнуть, что в издании 1860–1861 годов впервые были выделены в отдельный (четвертый) том три романа Тургенева, хотя в подзаголовке тома этот факт отмечен не был. Напомним, что роман «Рудин» вошел в издание сочинений 1856 года в третий том под общим подзаголовком «Повести и рассказы». Судя по всему, после «Дворянского гнезда» и «Накануне» Тургенев определился с жанровой принадлежностью этих произведений, которые, впрочем, и позже часто называл «повестями». Лишь в 1880 году в «Предисловии к романам», опубликованном в третьем томе салаевского издания, он с уверенностью назвал все свои шесть романов романами и поделился некоторыми деталями их творческой истории.¹⁴

К 22 августа 1860 года первый том нового издания с «Записками охотника» был уже, по свидетельству Основского, отпечатан. С нетерпением ожидая от Тургенева присылки портрета, в помеченном этой датой письме он писал, что портрет «необходимо поместить при „Записках охотника“, то есть в первом томе, который уже отпечатан», и всячески расхваливал «свое» издание.¹⁵ При этом издатель выражал надежду, что и дописанный эпилог к «Рудину» «проскочит».¹⁶

Правда, нужно отметить, что с сообщением об «уже отпечатанном» первом томе Основский несколько поторопился, о чем свидетельствует следующее его недатированное письмо, написанное в ответ на полученное от Тургенева. В нем речь идет о том, что «Записки охотника» «печатаются», осталась лишь «Поездка в Полесье».¹⁷

Как уже говорилось, сначала было решено издать первый и четвертый тома, однако в процессе подготовки планы изменились. Из приведенного выше письма видно, что в это время Тургенев занимался правкой пьес, которые собирался поместить во

ский сборник: И. С. Тургенев и русская литература. Курск, 1980. С. 90–91. Благодаря В. И. Симанкова за указание на эту статью В. А. Громова.

¹² Тургенев. Письма. Т. 4. С. 202.

¹³ См. об этом: Генералова Н. П. «Неизвестный» ответ Тургенева Чернышевскому (О втором эпилоге романа «Рудин») // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2016. Вып. 4. С. 19–57.

¹⁴ Тургенев. Соч. Т. 9. С. 390.

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 1. «Издание выходит очень миленьким; корректуры проходят сквозь три пары рук, и, надеюсь, ошибок почти не будет, разве какая запятая проскользнет; а уж сколько ошибок было в прежнем издании — числа нет!» (Там же). Попутно отметим, что, неоднократно напоминая о портрете, Основский настаивал, чтобы Тургенев не только напечатал на 200 экземпляров больше условленных 4800 (поскольку 200 экземпляров будут наверняка испорчены в процессе брошюровки), но и привез с собой доску, очевидно, для того, чтобы с нее можно было отпечатать, в случае необходимости, дополнительные экземпляры.

¹⁶ Там же. Л. 1 об.

¹⁷ Хотя это письмо Тургенева не дошло до нас, можно утверждать, что оно было написано в ответ на послание Основского от 22 августа, т. е. приблизительно в середине последней декады августа. Во всяком случае, в упомянутом письме Основского вновь говорится о том, что «Записки охотника» «печатаются и приходят уже к окончанию; недостает одного „Полесья“, то есть собственно хвостика» (Там же. Л. 3).

втором томе.¹⁸ Сам же том издатель намеревался напечатать последним по счету. Однако, приступив к третьему тому, он обнаружил, что повести и рассказы, которые должны были войти в его состав, по объему значительно превышают предыдущие тома и никак не вмещаются в один том. Тогда он предложил разместить их в двух томах, а комедии напечатать в дополнительном пятом томе.

Вот как Основский описывал Тургеневу 21 октября 1860 года ситуацию с изданием: «Оба письма Ваши, дорогой Иван Сергеевич, а равно и поправки к комедиям, я получил. Но из обоих писем Ваших я вижу, что Вы не получили моего письма, которое было мною послано в конце августа или в начале сентября. Но делать нечего, приходится вторично писать о том, что, я полагал, Вам уже известно.

„Записки охотника“ (1-й том) кончены уже давно; в них еще добавлено: „Поездка в Полесье“ и „О соловьях“. 4-й том, в который вошли три большие вещи, именно: „Рудин“, „Дворянское гнездо“ и „Накануне“ — кончен сего дня. Остается напечатать 3-й и 2-й томы, которые к 1 декабря будут окончены. Деньги, сколько будет возможно, я Вам пошлю в последних числах ноября (по нашему старому стилю). Полагаю, что вышло две тысячи, а может и более, по крайней мере — постараюсь выслать более.

Теперь приступлю к главному. Я рассчитывал по „Запискам охотника“, думая, что и повести напечатаны точно таким же шрифтом; но когда начал печатать, увидал, что, вынув из них „Рудина“ и прибавив в них „Асю“ и „Первую любовь“, не будет возможности упрятать их в один том, ибо одни они составят 50¹⁹ листов. Следовательно, выключая комедий, выйдет 4 тома, потому что „Повести“ будут состоять из двух томов. Главное в том, что расчет потерян. Остается сделать следующее: выпустить 4 тома, а комедии печатать уже особо — пятым томом. Я их напечатаю и пушу в продажу по рублю. Вычту за бумагу и печать, а все вырученные деньги за них уже будут все <так! — Н. Г.> принадлежать Вам. Пускать же в продажу 5 томов за 5 р. нет возможности, что Вы увидите из счета, который я к Вам вышлю, а Вас прошу земно отвечать мне поскорее».²⁰

Нет сомнений, что полученное письмо должно было не на шутку встревожить Тургенева. Из него следовало, что предыдущие планы, сулившие столь необходимые писателю деньги, рухнули. Труд, потраченный на вычитку комедий для второго тома, оказался напрасным, а печатанье дополнительного тома с пьесами выглядело почти авантюрой. Даже если предположить, что Основский гораздо раньше (по его утверждению, в конце августа или начале сентября) оповестил писателя об изменении издательских планов, очень странно, что он не озаботился отсутствием ответного письма от Тургенева, который непременно должен был утвердить или опровергнуть его намерения.²¹

Более того. На томе 3 стоит дата цензурного разрешения 30 сентября 1860 года, та же, что на томах 1 и 4. Цензором значится тот же Н. П. Гиляров-Платонов. Это означает, что Основский подал в цензурный комитет сверстанный третий том с «Повестями»

¹⁸ «Посылаю Вам недостающие страницы „Безденежья“, — писал Основский, — а „Холостяка“ пришло в Париж» (Там же).

¹⁹ К этому месту Основский сделал примечание: «1-й том 22 листа, а 4-й вышел в 30 листов». Не можем согласиться с датировкой этого письма, предложенной В. А. Громовым (не позже конца апреля 1860 года). См.: Громов В. А. «Записки охотника» в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева. С. 91. К такому выводу исследователя привели не вполне точно понятое слова о присылке «Холостяка» в Париж, куда Тургенев приехал в последних числах апреля, выехав из Петербурга 24 апреля ст. ст. Однако после Парижа писатель вскоре отправился на воды в Соден, где пробыл с 25 мая до начала июля ст. ст., затем провел две недели в Куртавнеле, а с конца июля по конец августа был в Англии, о чем Основский мог знать из не дошедших до нас писем Тургенева к нему. Все это время писатель работал над собранием сочинений.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 5–6 об.

²¹ Трудно согласиться с мнением Громова, что Основский самостоятельно и как бы с разрешения Тургенева определял «как общее количество томов, так и объем и даже структуру каждого из них» (Громов В. А. «Записки охотника» в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева. С. 90). Ссылка на письмо Основского от 3 января 1861 года, в котором он напоминал писателю, что между ними не было письменного соглашения, не меняет дела и имеет совершенно иной смысл.

до того, как получил на то одобрение Тургенева. Очень возможно, что, пытаясь скрыть свое самоуправство, он и придумал версию о своем письме с предложением изменить состав томов, которое было написано якобы еще в конце августа или начале сентября. Разумеется, Основский хорошо помнил о договоренности выплатить половину суммы за издание (т. е. 4000 рублей) до выхода его в свет, однако названная им сумма (2000 рублей), которую он обещал выслать в конце ноября по старому стилю, т. е. почти в середине декабря по новому, никак не соответствовала денежным расчетам Тургенева.

Повторяя то, что было уже известно по поводу первого и четвертого томов, издатель обещал, что обновленные второй и третий будут выпущены к 1 декабря, что также не могло не насторожить Тургенева, а уже вышедшие первый и четвертый тома Основский обязался выслать «на днях». Решение писателя сэкономить «несколько сот рублей» и не помещать в первом томе портрет явно огорчило Основского («с портретом издание пошло бы быстрее, а одно другого стоит»).²²

И уж совсем странным выглядело сообщение в конце письма о том, что «бесконечно преданный, любящий и уважающий» издатель видит каждую почти ночь Тургенева во сне и «даже был у Вас в Париже на квартире». Вряд ли подобное известие сильно растрогало писателя, с нетерпением ожидавшего присылки положенных денег. Что же касается финансовой стороны дела, то обещание Основского звучало не слишком обнадеживающе: «В генваре вышлю Вам еще денег».²³

Следующее письмо Основского было написано в конце декабря 1860 года, а именно 22 числа. В нем он безо всяких извинений сообщал: «Посылаю Вам, дорогой Иван Сергеевич, все, что имею в настоящее время. Хотя я и думал, что к декабрю выйдут все 4 части, но выпущены только две; завтра готова и третья, а четвертая часть выйдет не ранее первых чисел февраля: бумаги задержали, а прислать такого же формата было нельзя. Книги вышлю Вам на днях. Относительно денег скажу Вам следующее: 3-го или 4-го января вышлю Вам еще 1000; к 1-му марта 2000; а остальные 2000 уже осенью. Напишите мне об этом разделении: может удастся сделать и лучше. Дело в том, что книжная торговля идет плохо и я едва, едва успел навязать (с уступкой 25%) 1000 экз. книготорговцам, и то деньги в рассрочку. Издание стоит с лишком 6000. Я впрочем буду к Вам писать подробно с второй отправки денег...».²⁴ Как видим, обещанная ранее сумма в две тысячи сократилась наполовину, а выплата оставшихся денег растягивалась почти на год.

Скажем сразу, что вопрос о дополнительном пятом томе с комедиями был Тургеньевым снят. Издание вышло в четырех томах, причем третий и второй тома, несмотря на неоднократные печатные заявления о поступлении их в продажу в «самом непродолжительное время», появились значительно позже, лишь в мае следующего 1861 года, в то время как первый и четвертый поступили в продажу 3 декабря 1860 года.²⁵ Таким образом, издание было завершено с перерывом в полгода. Вместо условленных четырех тысяч Тургеньев к концу года получил лишь две и понял, что надо действовать.

Именно в этот период и развернулось то, по слову Фета, «чертовски запутанное и неприятное дело», которое позволило П. В. Анненкову позднее утверждать, что Основский погубил «целое предприятие».²⁶

²² ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 6 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 7–7 об.

²⁵ Первое объявление о поступлении в продажу томов 1 и 4 в московские книжные магазины, «а равно у издателя Н. А. Основского, в Старой Конюшенной, у Успения на Могильцах, в д. Рышкова» было напечатано в № 263 газеты «Московские ведомости» от 3 декабря 1860 года. При этом в объявлении было обозначено содержание томов, а также анонсировался скорый выход томов 2 и 3: «Третий том будет выпущен в скором времени и состоит из следующих рассказов: „Дневник лишнего человека“, „Два приятеля“, „Переписка“, „Яков Пасынков“, „Фауст“, „Ася“ и „Первая любовь“. / Второй том будет отпечатан в конце января» (С. 2096). Повторно напечатано: Там же. 11 дек. № 269. С. 2151; 22 дек. № 278. С. 2232. Впоследствии в объявлениях сообщалось, что на второй и третий тома выдаются билеты (см., например: Там же. 14 дек. № 271. С. 2167; 1861. 4 янв. № 3. С. 24).

²⁶ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 454.

Трудно с уверенностью сказать, когда у Тургенева появились первые подозрения в том, что Основский ведет себя с ним не совсем честно. Подобными подозрениями мог поделиться с ним кто-то из знакомых, или же он сам, не получая от своего издателя своевременных отчетов, стал догадываться, что дело не вполне чисто. Так или иначе, но в неизвестном письме к верному другу Анненкову писатель упомянул о недавнем третейском суде, где в качестве главного обвиняемого фигурировал Основский, и просил узнать, что же тот делает с изданием его сочинений. «...вы уже знаете, — писал Анненков в ответном письме от 12 ноября 1860 года, — что Основский имел гадкую историю с редакторами „Моск<овского> вес<тника>“. Плещеев обвинял его в утайке подписчиков для собственного употребления, а Плещеев не лгун, и третейский суд, слышно, лгуном его не назвал. Таким образом ко всем своим запахам Основский присоединил, кажется, еще пикантный запах, названия коего приводить не хочу. Что он делает с вашим изданием — узнаю на днях».²⁷ 19 ноября (1 декабря) Тургенев отвечал: «Если Основский, которого я считал честным человеком, выкинул такую штуку с „Московским вестником“ — то кто ж ему помешает выкинуть такую же и со мной, — т. е. вместо 4800, как сказано в условии, напечатать 6000 и денег мне не выслать? А деньги мне крайне нужны...».²⁸ Ввиду сложившихся обстоятельств писатель предлагал Анненкову взять на себя хлопоты по этому делу, прося друга собрать сведения об Основском и советуя обратиться за помощью к Н. Х. Кетчеру и И. В. Павлову.

Пока Анненков собирал сведения о деятельности Основского, Тургенев, не дождавшись существенных подробностей о ходе дел, принял решение прибегнуть к содействию А. А. Фета. 17 (29) декабря 1860 года он написал Фету «чисто деловое письмо», в котором сообщал, что до него дошли слухи, будто подготовленное Основским издание его сочинений поступило в продажу, «а между тем обещанные деньги им не высылаются». Сообщал Тургенев и о том, что уже два месяца не получает от издателя писем. «Так как это дело для меня важное, — писал Тургенев, — и так как (это между нами) я имею причины сомневаться в совершенной честности Основского — то я покорнейше прошу Вас взять *на себя* все хлопоты и вообще вступить в мои права, сделаться моим „alter ego“ — в удостоверение чего посылаю Вам записочку для представ-

²⁷ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 90. Вскоре сам Основский в исповедальном письме к Тургеневу от 3 (15) января 1861 года красочно опишет этот третейский суд, который стал, по его словам, для него «торжеством» (ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 10 об.). Любопытно, что, по желанию Павлова и Плещеева, среди судей должен был быть Н. Г. Чернышевский, однако Основский отвел его кандидатуру «как жителя Петербурга». Со стороны Павлова и Плещеева, обвинивших Основского в утаивании в свою пользу 300 экземпляров газеты «Московский вестник», издававшейся ими на паях, судьями были избраны Ф. В. Чижов и А. Н. Островский, а со стороны Основского Н. П. Гиляров-Платонов. В результате разбирательства Основский был оправдан (см. об этом споре: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1961. Вып. 6 / Под ред. М. П. Алексеева. С. 263–264; комм. Л. С. Пустильник к письму А. Н. Плещеева к Ф. М. Достоевскому). Уже после суда Основский послал инициатору разбирательства Плещееву вызов, который не был принят (см.: ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 10). По-видимому, Тургенев наводил справки об Основском и у других знакомых. «Теперь спешу Вас успокоить насчет Основского, — писал И. П. Борисов Тургеневу 19 (31) декабря 1860 года, — до нас дошли слухи с закрытой стороны этой грязной истории. Я Ивана Васильевича Павлова еще прежде расспрашивал об „Мос<ковском> в<естнике>“ по случаю получения мною их журнала, который так и пропал для нас. Вот что он мне сказал, что дела их расстроились от безденежья, т. е. *потери подписчиков*, и от *множества хозяев*, и ни словом не винул Основского. — Но вот что я узнал от *Островского*, который был у них *посредником* в этом деле: Щепкин и К<етчер> успели *мало-помалу* рассорить Павлова с Основским и главное Плещеева, который и довел Основского до необходимости просить их выбрать посредника для суда между ними. Выбрали *Гилярова-Платонова*, *Чижова* и *Островского*. Конец был тот, что посредники единогласно были за *Основского*. Иван В<асильевич>, не ожидая конца их приговора, ушел, а Плещеев *извинился* перед Основским, который однако не захотел уже вести с ними дело журнала, а работает в своей типографии и ведет это дело *отлично*, и это-то именно и было причиною, что Щепкин ему старался нагадить» (<Письма И. П. Борисова к И. С. Тургеневу> / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3 / Ред. Н. В. Измайлов, Л. Н. Назарова. С. 343).

²⁸ Тургенев. Письма. Т. 4. С. 265.

ления г-ну Основскому».²⁹ Условия, заключенные между автором и издателем, были таковы: «...он имел право печатать 4800 экземпляров — и за это должен был мне заплатить 8000 руб., из коих половина должна была быть представлена до издания в свет, другая — 4 месяца после».³⁰

Тургенев не помнил, сколько он уже получил от Основского, 1500 или 2000 рублей серебром (судя по письму Основского от 3 (15) января 1861 года, он выслал в Париж всего 1000 рублей), уточнить это он просил Фета. Что касается оставшейся части первой половины суммы, то здесь Тургенев был неумолим: «Остающиеся 2000 или 2500 руб. он должен немедленно выслать. Мне это все очень неприятно — и особенно неприятно мне Вас утруждать; но Вы можете сказать ему, что у нас есть с Вами счеты».³¹ К письму прилагалась следующая доверенность:

«Париж.
17/29-го дек. 1860.

Я прошу Афанасия Афанасьевича Фета взять на себя все сношения с Нилом Андреевичем Основским по делу издания моих сочинений — и прошу г-на Основского выдавать следующие мне деньги г-ну Фету, который вступает вполне во все мои права.

Иван Тургенев.

Р. С. Поручаю также г-ну Фету получить от г. Основского следующие мне экземпляры.

Прошу Н. А. Основского выдать А. А. Фету следующее мне количество экземпляров нового издания моих сочинений.

Ив. Тургенев.

Париж.
17/29 дек. 1860».³²

Разумеется, Фет согласился. Почему Тургенев выбрал на роль посредника именно Фета, остается только гадать. По-видимому, он был уверен в его неподкупной честности и умении вести дела твердо и ответственно. Однако в данном случае эти качества Фета скорее навредили, нежели помогли ему. Будучи обязанным Тургеневу многим, в частности заинтересованным участием в издании его собственного поэтического сборника 1856 года, в неизменной поддержке его как переводчика (Тургенев издал на свой счет переведенные Фетом Оды Горация в том же 1856 году), Фет не мог отказать человеку, с которым его связывало не только чувство благодарности, но и глубокая симпатия. Недаром спустя много лет Фет начнет свои мемуары со времени знакомства с Тургеневым.

Несомненно, Фет взялся за дело горячо и по получении письма тотчас отправился к Основскому, предъявив ему присланную Тургеневым доверенность. Свою реакцию Основский воспроизвел в уже упомянутом письме-исповеди от 3 (15) января 1861 года: «Накануне нового года ко мне приехал Фет с Вашей запиской. Я показал ему дубликат, что 1000 р. посланы Вам 21-го декабря; что я немного промедлил, зная, что Вы от этого не пострадаете, и думая, что извините меня за неаккуратность. Говорю Фету, что к 3-му числу января привезу еще денег, сколько могу. Но появление Фета с Вашей запиской меня уже убило, и я заболел».³³

Отметим, как непринужденно Основский решил, что задержка с выплатой денег не нанесет урона Тургеневу, и как он был заранее уверен в том, что писатель извинит

²⁹ Там же. С. 272–273.

³⁰ Там же. С. 273.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 273–274.

³³ ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 12.

его за неаккуратность. Эта установка заметна и в приведенном выше письме от 22 декабря 1860 года, написанном тотчас после высылки Тургеневу 1000 рублей в Париж.

Между тем доверенность Тургенева, предоставившая Фету право действовать от его имени, наделала много шума и явилась причиной ожесточенного столкновения между заинтересованными сторонами. Этими заинтересованными сторонами были прежде всего Н. А. Основский, поэт А. Н. Плещеев и Иван Васильевич Павлов, врач и литератор, известный своими радикальными взглядами.³⁴ Связанные взаимными обязательствами по «Московскому вестнику», судьба которого к тому времени была предрешена, они оказались связанными и по изданию собрания сочинений Тургенева, поскольку все трое были пайщиками издания, причем Плещеевым в качестве жеста доброй воли был оплачен пай Павлова. Именно от Плещеева и Павлова писатель получил в начале 1861 года письма, в которых Основский обвинялся в мошенничестве, иначе говоря, в воровстве.³⁵ Детали его проделок с завышением стоимости бумаги, занижением количества отпечатанных экземпляров, перепродажей на сторону паев и т. д. подробно описывались участниками событий, однако вопреки очевидным фактам Основскому удалось убедить сначала Фета, а потом и Тургенева в своей полной невиновности. Впрочем, можно предположить, что Тургенев догадывался, что в разъяснениях Основского остается много темных мест, однако по получению части денег не нашел нужным продолжать это дело, грозившее обернуться большим скандалом, тем более что все задействованные им участники были готовы идти на крайние меры. Не последнюю роль в решении Тургенева играл и тот факт, что в руках его не было юридических документов, т. е. договора, по которому можно было предъявить какие-либо претензии нечистоплотному издателю. На это намекал и Анненков в своих воспоминаниях.

«Как удивились приятели Тургенева, рассчитывавшие на его поддержку в их расчете с Основским, когда получили от него формальный отказ участвовать в каких-либо заявлениях и протестах против издателя, нанесшего такой ущерб ему и погубившего целое предприятие! <...> Павлов разорвал дружелюбные отношения с Тургеньевым, не понимая, как можно потворствовать явному нарушению своих обязанностей и покрывать их молчанием и своим именем. Но у Тургенева были и логические, а всего более гуманные причины поступать так, как он сделал. Прежде всего первой причиной неудачи „издания своих сочинений“ был он сам: он поручил дело человеку, не отвечавшему идеалу литературного деятеля, но очень хорошо отвечавшему старой привычке Тургенева предполагать в простых, малоразвитых людях основы иногда тупой и досадной, но всегда стойкой и неизменной честности».³⁶

Серьезным аргументом в пользу Основского было для Тургенева письмо надежного друга И. П. Борисова, который тоже, поневоле, оказался втянутым в эту историю. В письме от 19 декабря 1860 года он изложил свой взгляд на Основского, которого назвал «человеком честнейшим, благородным и слишком добрым <к> врагам его».³⁷ И конечно, мнение Фета, о котором речь пойдет впереди.

³⁴ Друг М. Е. Салтыкова, разделявший идеи Петрашевского, приятель А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Т. Н. Грановского, И. В. Павлов (1823–1904) позднее сблизился со славянофилами. С Тургеньевым познакомился в 1853 году в период окончания спасской ссылки, будучи соседом писателя по имени. Тургенев помог Павлову в организации еженедельника «Московский вестник», основанного в 1859 году. Писатель интересовался судьбой «Вестника» и опубликовал в нем главу из неизданного романа «Два поколения», а также очерк «Встреча моя с Белинским (Письма к Н. А. Основскому)». См.: *Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева* // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Ред. М. П. Алексеев. Л., 1982. С. 143–158.

³⁵ Письмо А. Н. Плещеева с припиской И. В. Павлова к Тургеневу было написано 25 декабря 1860 года; опубликовано Г. М. Фридендером: *Литературный архив*. Вып. 6. С. 308–310. Кроме того, в подробных комментариях здесь было воспроизведено письмо Плещеева к Анненкову примерно того же времени и содержания. Оба приятеля утверждали, что Основский «гнусный мошенник», и считали необходимым припугнуть его с тем, чтобы вынудить уплатить Тургеневу причитающуюся сумму.

³⁶ Анненков П. В. *Литературные воспоминания*. С. 454–455.

³⁷ См. выше, прим. 27.

Если бы действующие лица назревшего скандала пожелали устроить третейский суд, подобный тому, что состоялся над Основским в связи с обвинениями Плещеева по делу «Московского вестника», или тому, что имел место 29 марта 1860 года на квартире И. А. Гончарова по обвинению Тургенева в плагиате,³⁸ то судьей пришлось бы, несомненно, выступать Павлу Васильевичу Анненкову. В отсутствие Тургенева он оказался в самом центре разворачивающихся событий и именно к нему обращались за советом все участники. Таким образом, в архиве Анненкова, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, сосредоточилась большая часть переписки, связанной с делом об издании Собрания сочинений Тургенева в четырех томах. Однако именно эти документы остались вне поля зрения Н. М. Гутьяра, который, оценивая воспоминания Анненкова, решил, что «память изменила» ему «при передаче подробностей дела, как изменила она ему и в рассказе о происшедшем будто бы разрыве дружеских связей Ивана Сергеевича с И. В. Павловым».³⁹

Теперь, когда письма Павлова к Тургеневу, хранящиеся в архиве Анненкова, опубликованы, нет никаких сомнений в том, что отношения были действительно прерваны по инициативе Павлова. То, что они спустя годы в какой-то степени восстановились, на что ссылался Гутьяр, свидетельствует лишь о том, что Тургенев, как и сам Павлов, проявил отходчивость и понимание.

Оставляя в стороне вопрос, полагался ли Анненков при написании воспоминаний на память или все-таки пользовался находившимися в его распоряжении документами, что гораздо более вероятно, обратимся к выводам по поводу дела Основского, к которым мемуарист пришел в своих воспоминаниях, публикуя письма Тургенева. Характеризуя в целом 1861 год как «замечательный», Анненков писал, что первые месяцы его принесли Тургеневу «дурные предзнаменования». «Начать с того, что второе издание его сочинений, порученное г. Основскому, окончилось третейским судом издателя со своими займодавцами в Москве и полным фиаско. Тургенев роптал, не получая ничего от издателя, а вместо следующих ему сумм к нему беспрестанно приходили жалобы на недобросовестность издателя, занимавшего кругом деньги, чтобы исполнять свои обязательства перед подписчиками, на запоздалые или неудовлетворительные его счета, даже на некоторые издательские его приемы, имевшие некрасивый вид. Тургенев был раздражен. Впрочем, история с Основским началась еще ранее, и уже можно было предвидеть, чем она кончится».⁴⁰ Надо отметить, что при публикации в 1885 году в «Вестнике Европы» писем Тургенева, Анненков опускал некоторые наиболее скандальные фрагменты. Сами же оригиналы писем до нас не дошли.⁴¹

Из приведенного выше отрывка воспоминаний заслуживает внимания упоминание о третейском суде. Если это не aberrация памяти (третейский суд над Основским был ранее и связан был, как уже говорилось, с делом «Московского вестника»), то очень может быть, что после того, как Тургенев, получив при помощи друзей, и прежде всего Фета, значительную часть положенных денег и решительно прекратив свое участие в этом деле (о чем оповестил Фета и Борисова в письме от 2 (14) января 1861 года⁴²), неудовлетворенные сложившейся ситуацией участники нелицеприятных разборок решились все же каким-то образом привлечь Основского к ответственности. О своих финансовых претензиях к нему и Павлов, и Плещеев упоминали неоднократно.

³⁸ См.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862)* / Отв. ред. Н. П. Генералова. СПб., 2018. С. 222–228.

³⁹ *Гутьяр Н. К биографии И. С. Тургенева*. С. 237.

⁴⁰ *Анненков П. В. Литературные воспоминания*. С. 451.

⁴¹ «Между тем раздражение Тургенева против Основского выросло до такой степени, что разрешилось ругательствами, которые мы выпускаем, хотя Тургенев продолжал молчать великодушно о собственных потерях» (Там же. С. 453).

⁴² «...теперь я только хочу вам сказать, что я получил от Основского хотя не все деньги, которые он должен был выслать — однако половину; и потому положите под сукно все, что я вам сообщил по этому поводу — и приостановитесь; я душевно рад, что все распушенные слухи оказались ложными — рад и за себя, а главное за Основского, которого мне было как-то дико вообразить не совершенно честным человеком» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 278).

Характерно, что в письме Тургенева к Анненкову, отправленном через три дня после письма к Фету и Борису с запретом дальнейшего участия в деле Основского, оценка его деятельности звучит совсем иначе: «...Основский меня надул». ⁴³ Подробное письмо А. Н. Плещеева от 25 декабря 1860 года, полученное Тургеневым 6 (18) января следующего, 1861 года, разъяснило детали этого надувательства и побудило обратиться с ответным (неизвестным) письмом к Плещееву, содержащим совет связаться с Фетом «для обоюдоострого действия». ⁴⁴ В письме же к Анненкову от 7 (19) января Тургенев откровенно признается: «...кажется, я останусь в дураках». ⁴⁵

Дело в том, что между Основским и Тургеневым не существовало никакого письменного соглашения, договоренность носила исключительно изустный характер. Этим не преминул воспользоваться Основский, когда Плещеев и Павлов стали угрожать ему полицейским преследованием. Не забыл упомянуть предусмотрительный издатель это обстоятельство и в упомянутом уже исповедальном письме к Тургеневу от 3 (15) января 1861 года. Причем сделал это в своеобразной, почти драматургической форме. ⁴⁶ Между делом он осмелился не только указать Тургеневу на бессмысленность юридических претензий к нему как к издателю, но и намекнуть, что писатель мог бы даже «подарить» ему все издание.

Вообще, не раз уже упомянутое письмо Основского к Тургеневу от 3 (15) января 1861 года представляет собой любопытнейший с психологической точки зрения документ. ⁴⁷ Почти на 14 страницах Основский изложил в красках не только историю с третейским судом по поводу «Московского вестника», но и перипетии с изданием Собрания сочинений Тургенева, стараясь выставить своих врагов в самом черном свете и как можно чище обелить собственные поступки. Начиналось письмо патетически: «Я любил (и люблю) Вас. Как не любил никого в мире: я боготворил Вас, Вы были для меня кумиром, идеалом человека. (Ради всего милого для Вас — не примите это за фразу, за лесть). И вдруг... Но, лучше, расскажу Вам все исторически, не щадя ни себя, ни моих *доброжелателей*. Письмо это есть — исповедь и должно остаться между мной и Вами — этого я прошу». При этом автор не оставлял надежды когда-нибудь рассказать Тургеневу историю своей жизни, «которая может послужить великолепной канвой для превосходной повести». Для вящей убедительности к письму прилагались некоторые частные письма, предназначенные скомпрометировать их авторов. Особенно обеспокоен был этим Павлов, который в некоторых письмах позволял себе весьма ругательные высказывания по адресу приятелей, в частности Плещеева, которому был обязан своим паем в предпринятом издании. ⁴⁸

⁴³ Там же. С. 279.

⁴⁴ Там же (письмо к П. В. Анненкову от 7 (19) января 1861 года).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «2-го января вечером я получаю от Плещеева письмо, в котором он пишет, что от Вас получены 2 письма: одно Анненковым, другое Фетом, в которых Вы пишете, что денег от меня не получили и что предоставляете и уполномочиваете Анненкова принять против меня самые строгие *полицейские* меры. Иван Сергеевич Тургенев и полицейские меры!!.. Я ничего не понял. Что было со мной по прочтении этой гнусной записки — я не помню. Удивляюсь, как я не поседел, как я не умер. Правая рука, Вы видите, как пишет. Я простоял на месте, без движения, с полчаса. Вы, конечно, поймете, что меня поразила не фраза: *полицейские меры*, потому что подобные меры принимает тот, кто вооружен контрактом, векселем, условием и т. п.; я же имел с Вами условие на словах, и потому доказать юридически (если б я был мерзавец и хотел обмануть Вас): получили ли Вы от меня деньги, сколько именно, или, быть может, подарили мне издание — невозможно. Слов нет, что в целой России мне бы никто не поверил, но, повторяю, обвинить юридически меня было бы невозможно. Нет, меня поразила не фраза, а то, что Иван Сергеевич Тургенев, который был и теперь есть для меня святыней, решил написать подобную вещь Анненкову, и Анненков передал это Плещееву. Не помню, что я отвечал Плещееву, кажется, что-то не слишком лестное, но, впрочем, помнится, благодарил его за участие, которое он принимает в моих делах относительно Вас. Вслед за этим я бросился достать денег, разумеется, не к приятелям, а к ростовщику и достал 2500 р. за ужасные проценты. На другой день я передал деньги Фету» (ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 149. Л. 12–12 об.).

⁴⁷ Полностью письмо впервые опубли.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. С. 387–392.

⁴⁸ См.: *Мостовская Н. Н. И. В. Павлов — корреспондент Тургенева*. С. 156 (письмо Павлова от 28 января 1861 года).

Зная натуру Тургенева и, вероятно, догадываясь, что угроза Плещеева применить к нему «полицейские меры» исходила не от писателя, Основский умело обыграл и задел чувствительные струны его сердца. Недаром Тургенев позже просил Анненкова написать Основскому, что ничего подобного он, Тургенев, ему, Анненкову, не поручал.⁴⁹ Из ответного письма Анненкова мы узнаем, что «клевета», а именно так Анненков назвал слухи о «полицейских мерах», якобы исходящих от Тургенева, была им опровергнута гораздо ранее полученного только что письма. Более того, Анненков сообщал: «...и только чтоб не заводить нового скандалезного дела, не дал я Фету позволения на публичное ее опровержение».⁵⁰

Подводя итоги едва отшумевшего скандала, Анненков продолжал: «Можете об этом написать Основскому, если считаете нужным, но советовал бы не раздувать пламя, которое от нынешнего *нейтрального* печатания 2-го тома ваших сочинений должно само собой потухнуть».⁵¹

Следует признать, что упоминание «полицейских мер», которыми Тургенев якобы грозил Основскому в письмах к Фету и Анненкову, остается целиком на совести Плещеева и Павлова. Не зная, каким образом «прижать» Основского, они попросту выдумали такой ход, надеясь напугать оппонента и заставить его заплатить по несуществующим *de jure* счетам не только Тургеневу, но и им самим. В этом недвусмысленно признался сам Плещеев в письмах к Тургеневу и Анненкову.⁵² 18 января 1861 года он писал Тургеневу: «...я прямо объявил Основскому — что если мне не будет доставлен оригинал (имеется в виду второй том сочинений Тургенева, который Плещеев взялся печатать сам. — Н. Г.), то я буду действовать путем юридическим и начну с того, что подам докладную записку Ober-Полицмейстеру. — (Я писал это и Анненкову.) Основский струсил; тем более что я просил содействия Кетчера, которого он боится как огня; потому что это не только честный, но и энергичный человек. — Он бросился к Павлову — рыдал перед ним и умолял пощадить его; потому что общий голос был против него, после отказа его мне в праве печатать — и после реплики Фета».⁵³

Итак, возвращаясь к письму Анненкова, подводящему итоги этой печальной истории, которая, впрочем, завершилась для Тургенева не самым плохим образом, обратимся к той роли, которая выпала в ней на долю Фета.

Воспроизводя много лет спустя «деловое письмо» Тургенева в своих мемуарах, Фет сопроводил его следующим комментарием: «Тип людей, совершенно равнодушных к материальным своим средствам, готовых горстями разбрасывать свое добро и в то же время скупых на копейки и неразборчивых в источниках нового прилива денег, — далеко не новый. Если бы Тургенев самым решительным образом не

⁴⁹ «Я получил длинное письмо от Основского, — писал Тургенев Анненкову 16 (28) января 1861 года, — и оказывается, что он действительно был оклеветан — и достоин сожаления. До него, между прочим, дошли слухи — будто я поручал Вам употребить против него *полицейские* меры; будьте так добры, напишите ему в двух словах, что я ничего подобного Вам не поручал: это поднимет этого придавленного человека, который в одно и то же время разорен и опозорен. Зная Ваше доброе сердце, я не сомневаюсь в том, что Вы немедленно это сделаете. Я не мог не усомниться в нем, вследствие писем от его же приятелей, но я *никогда не позволил бы себе осудить окончательно человека бездоказательно*» (Тургенев. Письма. Т. 4. С. 285).

⁵⁰ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 98.

⁵¹ Там же.

⁵² Письмо к Анненкову от 3 января 1861 года воспроизведено в примечаниях к письму Плещеева к Тургеневу от 18 января 1861 года (Литературный архив. Вып. 6. С. 316; публ. Г. М. Фридендера). Анненкову Плещеев писал: «Я <...> советовал Вам пострадать Основского гласностью. Но мне самому здесь посоветовали, когда я уже отправил Вам письмо, написать ему, что я получил от Вас уведомление, что Вы уполномочены Тургеневым принять относительно его решительные меры; я так и сделал. Он отвечал мне, что с ним *нельзя* принять мер полицейских, ибо он никаких обязательств формальных с Тургеневым не делал; обязательства существовали только на словах; но что, впрочем, он деньги Тургеневу послал (6 тысяч) и завтра же отправляет к Вам квитанции — от банкира Марка. <...> Извините, если я употребил Ваше имя *всуе*; но так как это побудило, однако ж, Основского поторопиться уплатой, то может Вы и не рассердитесь на меня. Мне кажется, воров следует пугать *полицейскими* мерами» (Там же).

⁵³ Там же. С. 313.

принадлежал к этому типу, я не стал бы говорить о его счетах с О<сновским>. Дело в том, что когда я попросил у О<сновского> денег и книг, то солидарное в его предприятности лицо напечатало в „Московских ведомостях“ отрицание моего полномочия. Я попросил, в оправдание свое от самозванства, — у Тургенева подтверждение моего полномочия телеграммой и напечатал последнюю с буквальным русским переводом. На другой день по выходе номера мой антагонист прислал ко мне секунданта, и дело приняло бы трагикомический оборот, если бы старый Ник<олай> Хр<истофорович> Кетчер, со всегдашнею своею честностью и беспощадною грубостью, не разъяснил задорным петухам, что тут они дело имеют не со мною, а с Тургеневым. Тем не менее я переслал Тургеневу 2000 руб. в Париж, а когда позднее я спросил его, чем кончилось дело, он сам, превратив рассказ в мимическое представление, отнесся к нему комически. Он совершенно забыл о моей трагикомедии по его же милости». ⁵⁴

Именно этот комментарий дал повод Н. М. Гутьяру упрекнуть мемуариста в искажении фактов: «Если бы Фет действительно ограничился только требованием „денег и книг“, как он пишет, то никакого „отрицания своего полномочия“ он, разумеется, не встретил бы, и ему не пришлось бы инсинуировать по адресу Тургенева в своих воспоминаниях». ⁵⁵ Подлинным источником возникшего позже недоразумения, переросшего в скандал и чуть не доведшего до дуэли между Фетом и Павловым, Гутьяр считает публикацию в № 9 «Московских ведомостей» от 12 (24) января 1861 года открытого письма Фета, опровергающего помещенное в № 51 «Искры» от 30 декабря (11 января) объявление Плещеева о том, что он, как владелец 5/8 всего издания, предлагает всем желающим приобрести Полное собрание сочинений Тургенева у себя, а последний том этого собрания будет печататься под его непосредственным наблюдением. ⁵⁶ При всей внешней правдоподобности обвинения Гутьяра, источник конфликта крылся гораздо глубже. Стоило бы упомянуть, что ко времени появления «контр-объявления» Фета им была выполнена главная задача — получение от Основского большей части суммы, которую должен был обрести Тургенев от продажи своего собрания сочинений.

11 (23) января 1861 года Тургенев писал Фету: «Какими словесами достойно воспою я Ваше многомилостивое обо мне попечение, драгоценнейший А<фанасий> А<фанасьевич>! Воображение немеет и язык отказывается выразить избыток чувств. Я сейчас получил Ваше письмо со вложенным векселем в 9250 фр. — Я порадовался и за себя, и за Основского; авось он мне весной заплатит остальные деньги...». ⁵⁷ К письму была приложена расписка следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что из следуемых мне с Н. А. Основского за издание моих сочинений в 4800 экземплярах — 8000 рублей серебром (восемь тысяч) получил 5500 р. (пять тысяч пятьсот). / Ив. Тургенев. / Париж, 11-го/23-го янв. 1861». ⁵⁸ Таким образом, Фет полностью выполнил свои обязательства как перед Тургеневым, так и перед Основским, передав ему расписку в получении денег.

Недаром Анненков, сообщая Тургеневу о высылке ему денег, отдельно отметил роль Фета: «С особенным чувством принимаюсь я нынче за перо, Иван Сергеевич. Во-первых, я имею Вам сказать, что Вам посылается 6000 р. из Москвы через банкира Марка за „Сочинения“. Подробности всего дела издания напишет Вам Фет, который исполнил дело московского вашего адвоката самым добросовестным и блестящим образом. Оказывается, что крики и жалобы Плещеева были преувеличены, что Основский не так гадок, как выставила его молва, но... но все *но* эти лучше разъяснены будут временем, чем кем-либо». ⁵⁹ Упомянутое Анненковым разъяснительное-сопроводительное письмо Фета до нас не дошло, но дошло другое, до последнего времени

⁵⁴ Фет А. Мои воспоминания. 1848–1889. М., 1890. Ч. 1. С. 356–357.

⁵⁵ Гутьяр Н. К биографии И. С. Тургенева. С. 231.

⁵⁶ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. С. 383, 399.

⁵⁷ Тургенев. Письма. Т. 4. С. 283.

⁵⁸ Там же. С. 284.

⁵⁹ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 97.

известное лишь фрагментарно.⁶⁰ В данной статье имеет смысл воспроизвести это письмо целиком:

«Москва, 15/27 января.

Воображаю, дорогой Иван Сергеевич, как ошеломила Вас моя бестолковая телеграмма; но ответ Ваш, слава Богу, получен, и я обязан растолковать Вам, насколько позволяет рамка письма, это чертовски запутанное и неприятное дело. Начало Вы знаете. — Ко мне приехал Плещеев и привез объявление в „Искре“ о том, что он всенародно будет единственным источником Вашего издания и 2-ю часть будет печатать под своим личным наблюдением. Основский привез деньги и по срокам более чем следовало в назначенный им самим день и час. — Когда я посмотрел на этого Геркулеса, убитого и со слезами на глазах говорящего о бесчестии, которым его покрыли и покрывают Павлов и Плещеев, мне стало тяжело. Тогда, обратив мое внимание на 2-й пункт объявления Плещеева, он просил меня со слезами снять с него этот позор, не заслуженный им перед моим доверителем, т. е. перед Вами и всей публикой. „Я согласен и обещал на словах (говорит он) передать Плещееву право контролировать меня 2-ю частью, так как у Павлова и Плещеева кошмар, будто я напечатал 6000 вместо 4800, но отнюдь никогда не давал ему права публично выставлять меня человеком, неспособным или недостойным продолжать издание. Дозволить себя поверить не значит дозволить себя опозорить. Вот объявление, составленное Гиляровым [в смысле], не угодно ли Вам его подписать для печати?“

Смысл объявления: Плещеев объявил, что 2 том будет издаваться под его наблюдением. Ни автор, ни я не давали ему на это разрешения, и потому прошу объявление считать недействительным.

На другой день, в день отправки к Вам телеграммы два объявления.

1-е. Плещеев объявил с согласия Основского и вызывается представить письменные доказательства.

(У него, по словам Основского, два письма Основского. Одно, где Основский не дает рукописи, потому что она будто еще неисправна, в другая <так! — Н. Г.>, где он говорит, что Фет ему этого не позволяет.)

Под объявлением Основского объявление Павлова:

„Я читал письмо Тургенева и могу наверно объявить, что по содержанию его Фет не имел ни малейшего права на такое странное объявление“. — Какова штука! Во-первых, объявлять всенародно, что он читал Ваше письмо, которое я, советовавшись с ним как с человеком, которого считал Вашим приятелем, показал ему, предупрежденный общим слухом и даже Вами не в пользу Основского. А во-вторых, обвинять человека публично в самозванстве. Этих двух черт довольно, чтобы обрисовать степень деликатности человека. В конце объяв<ления> он вызывает Тургенева подтвердить его слова. Вот почему я послал телеграмму. Не предупреди я Вас, Вы по мягкосердию своему могли бы поддаться на его толкование доверенности только в отношении получения денег, а не в смысле полномочия, давшего мне возможность хотя отчасти вступить за человека публично обесчещенного из-за нашего же дела. Раскусив дикую натуру Павлова, я очень хорошо видел, что подвергаю себя лично незаслуженным гадостям, но что ж мне было делать? Неужели и мне, видевшему, подобно Островскому, Гилярову и Чижову, правоту Основского в отношении к Вам, должно было отвернуться от него. Несмотря на все хлопоты и трату времени, которые навлекла на меня вся эта сальная чушь, я радуюсь, что Гиляров, на вопрос мой, как бы он поступил на моем месте, отвечал, что не уважал бы меня, если б я поступил иначе. То же самое сказал мне сегодня и Маслов, и я просил его написать эти слова Вам в мое оправдание. Несмотря на то, что чувствую себя совершенно правым и перед совестью и перед Вами, — я трепещу, как бы Вам это не показалось в другом свете. Павлову я сегодня написал, что, не желая вредить Плещееву и предоставляя ему контроль над изданием 2-го тома — предлагаю передать печатание этого тома в третьи руки — и приглашаю Плещеева

⁶⁰ См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. С. 403–405.

и Основского на совещание, а с ним после его неуместной выходки считаю наши личные отношения прерванными. Скажу Вам более, дорогой Иван Сергеевич, — я Вас давно и искренно люблю и помню Ваше добро — и ни для кого в мире не взял бы на себя разбирательства в этом грустном деле. Но в нашей литературе кабак есть нормальный status quo. Павлов, говорят, еще намерен кидать в меня печатной грязью. На здоровье. Он вызывал Вас на ответ. Я напечатаю телеграмму, но он и ее истолкует, как ему хочется. Нельзя ли Вам прислать по почте несколько слов, которые не оставляли бы никакой возможности сомневаться в смысле alter ego во всем, что касается этого дела. Я не прошу Вас, чтобы Вы сделали выбор между мной и Павловым, которого решительно не считаю достойным Вашего расположения — а прошу только справедливости. Если я и тут ошибусь, чему, однако, не поверю, пока не увижу своими глазами и не услышу своими ушами, то это будет горькое разочарование, но, конечно, последнее. Если то, что мне кажется честным, Вам кажется иным, то говорить тут нельзя ни слова.

Что за чепуха? Что это за народ? Но я и забыл было, что это изящная словесность. Решительно не знаю, куда это дело пойдет. Во всяком случае буду уведомлять Вас об его ходе. Я писал Анненкову и жду его ответа. Будьте здоровы и верьте, что я готов сделать для Вас то же, что сделал бы для себя.

Душевно преданный Вам

А. Фет.

<Далее приписка рукой И. И. Маслова:>

Любезнейший Иван Сергеевич! Спешу прибавить тебе от себя, что дело по изданию твоих сочинений я вполне знаю и свидетельствую, что Фет не мог поступить иначе, как он поступил, иначе он был бы человек нечестный. На его месте я то же самое сделал бы, что и он.

Весь твой

И. Маслов». ⁶¹

Упомянутая Фетом телеграмма, посланная Тургеневу, как и его ответная телеграмма, до нас не дошли, однако сомневаться, как это сделал Гутьяр, назвав тургеневскую телеграмму «мифической» и тем самым обвинив Фета во лжи, не приходится, поскольку приведенное письмо является ответом на эту телеграмму. Спустя много лет, когда отношения Тургенева и Фета пришли к разрыву, Фет вновь вспомнил историю с Основским и вновь упомянул о телеграмме, напечатав которую он на следующий день получил вызов от И. В. Павлова.

«Из-за Ваших денег, — писал Фет 12 (24) января 1875 года, — я принял вызов Павлова за французскую телеграмму. Только [deus ex machina] Кетчер заставил Павлова сочинить примирительную статью. Я выслал Вам деньги. Вы и спасибо мне не сказали, точно гладиатору, обязанному драться не за Вашу честь, а даже за Ваше удобство или удовольствие». ⁶² Единственное, в чем Фет в сердцах ошибся, так это в том, что Тургенев не поблагодарил его за присланные деньги.

Увы, остальных денег Тургенев так и не увидел. Смирившись с потерей около 2500 рублей, он, казалось, забыл об этой истории. Стоит, однако, отметить, что с определенного момента писатель избегал вести переговоры с Основским напрямую, а действовал через доверенных лиц — Анненкова и Фета. Неизвестно даже, ответил ли он на упомянутое исповедальное послание Основского. Думается, отсутствие этого персонажа в дальнейшей биографии Тургенева говорит само за себя. Писатель получил горький урок, но следующее собрание сочинений он уже доверит в 1865 году профессиональному издателю Ф. И. Салаеву и будет сотрудничать с ним, а затем с его наследниками два десятилетия вплоть до прижизненного издания 1880 года.

⁶¹ ИРЛИ. Ф. 7. Ед. хр. 153. Л. 1–3 об.

⁶² Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 460 (публ. Т. П. Головановой).